

СПЕКТАКЛИ СОВЕТСКОЙ ТЕМЫ

В середине марта во II республиканский смотр драматических театров Казахстана включился Семипалатинский областной драматический театр имени Абая. Семипалатинцы показали несколько новых спектаклей. Среди них была и классика, но особенно творческие достижения театра проявились в двух новых спектаклях семипалатинцев на советскую тему — инсценировке «Поднятой целины» М. Шолохова и комедии А. Корнейчука «Когда улыбаются звезды».

Казалось бы, что общего между суровым реализмом классического произведения Шолохова и веселой, местами просто гринчащей с фарсом, комедией украинского драматурга? Но у семипалатинцев между обоими этими спектаклями существует единство.

Выражение «спектакль на советскую тему» широко бытует у нас, но часто оно обозначает просто, что герои на сцене разгуливают не в средневековых камзолах, а в современных пиджаках и что среди действующих лиц есть председатель колхоза или секретарь райкома. Сам же спектакль, при этом, может быть, посвящен какой-либо частности, например, как говорит одна героиня комедии Корнейчука, тому, что «звезда была передовым человеком нашей Родины, не умея плавать».

В спектаклях же семипалатинцев речь идет не о частности, а о главном — о патристичестве советских людей, о месте каждого человека в борьбе за коммунизм. Поэтому точнее назвать эти две постановки театра имени Абая — «спектаклями на советскую тему», а спектаклями «советской темы».

На театральных афишах под названием «Поднятая целина» стоят слова «народная драма в 4-х действиях Теодора Лондона». Это старожансет. И, действительно, в инсценировке Теодор Лондон, весьма

заметило потеснил Михаила Шолохова, и хорошего из этого вышло мало. Инсценировка получила очень громоздкий (она значительно уступает по своим художественным качествам предыдущей инсценировке Т. Лондона «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевоего). Явно не оправданы многие перестановки в тексте книги, сделанные инсценировщиком (эпизоды из второй книги романа превратят чуть ли не в начало пьесы и т. д.). Все это создает дополнительные трудности для театра. А они и так велики. Шутка ли сказать — воссоздать на сцене вынесенные режиссером генерального художника, давно знакомые и близкие зрителям образы!

Не будем скрывать — первые картины спектакля разочаровывают. Странный образный разговор где-то на улице Давыдова с этаким картинным секретарем райкома в кожанке и с «луначарской» бородкой, ничем не похожим на человека из романа — «подлеповатого и вялого в движениях».

Затем — собрание крестьян Гремячего Лога. Давыдов артирует за вступление в колхоз. Актеры, играющие гремяченцев, встают, произносят знакомые по юные слова, добросовестно пытаются передать атмосферу напряженного крестьянского собрания. Но ни на секунду нельзя забыть, что перед тобой неглубокая и неудобная коробка сцены семипалатинского театра.

Но вот следующая картина. Крестьяне расходятся с собрания. Тажело шагает Кондрат Майданников (артист В. П. Васильков). Настроение бросилась его жена, Анна (артистка М. С. Куванникова). «Вступил! — Вступил! — Скотину поведешь! — Зараз поведе!» С коротким рыданием прильнула женщина к мужу, и сквозь всхлипыания: «Чужой, но очень уж доже сердце болит...»

И кажется — свежим и холодным воздухом ранней весны пахнуло вдруг со сцены, словно там действительно далекий казахский хутор Гремячий Лог. Это — дыхание жизни. Маленький, «проходной» эпизод, благодаря искусству артистов и режиссера, с внешней силой раскрыл перед зрителем всю трагичность перепада к колхозной жизни, мудрость и силу партии, сумевшей осуществить этот переход.

Нельзя не отдать должного постановщику спектакля М. И. Дабувскому. Он умело выделал главное в произведении, и его спектакль стал заводнованным и правдивым рассказом об острейшей классовой борьбе в деревне, о нелегкой победе нового. Постановщик не пытается складывать улов, показывает, что борьба эта была и острой и жестокой. Сцена раскулачивания Тита Бородина (артист В. П. Ужов) производит такое сильное впечатление, что режиссер и артист не побоялись наделять Бородина человеческими чертами, не побоялись показать, что для Тита и его семьи раскулачивание — огромная жизненная трагедия. Но эта трагедия неизбежна, жалости к Титу ее может быть места — у старого с новым идет жестокая борьба, не менее жестокая, чем на фронте.

М. И. Дабувский поставил «Поднятую целину», как спектакль о судьбе народа. Но то, что главным героем спектакля стал народ, коллектив, не помешало, а наоборот, помогло артистам создать яркие, запоминающиеся образы представителей народа.

Крупнейшей актерской удачей спектакля является исполнение Э. Э. Гельфингом роли Макара Нагульнова. Мы далеки от мысли, что артист исчерпывающе раскрыл на сцене все черты этого образа, но ведь это сделать очень и очень трудно. Бесконечно человечный и добрый и в те

же время твердый до жестокости, наивный, через шаг совершающий ошибки и всегда тянущийся к свету, во всем до самозабвения преданный революции, партии, народу, Макар Нагульнов при всем исключительном своеобразии своего характера, воплощает в себе лучшие черты простого русского человека, перед которым революция открыла дороги к невиданному счастью. И пусть Макар нередко отстает — нет такой силы, которая заставила бы его свернуть с этой дороги.

Разумеется, Э. Э. Гельфинг не сумел с одинаковой достоверностью раскрыть все черты этого удивительного многогранного образа, но общий рисунок роли у него верен, а немалый темперамент актера позволил ему убедительно донести до зрителя всю преданность Макара великому делу партии.

Несколько нежиданно лучшей сценой у Э. Э. Гельфинга оказывается тот эпизод, когда Нагульнов дома у себя унит английский язык Засе. Макар спокоен — а это редкое для него состояние. Видно, что он совсем не молод и порядком устал, этот лихой казак, надевший сейчас очки. Он зурбит английские слова, и это непривычное дело дается ему тяжело. Но как раз эта спокойная зурбушка больше всего и убеждает зрителя в бесконечной вере Нагульнова в победу коммунизма, в его готовность делать все, лишь бы только хоть на подшага приблизить эту победу.

Убедительны в спектакле и образы многих других колхозников. Жизненно правдивым получились и Кондрат Майданников, и Любушкины (И. Г. Чистяков), и Ушakov (А. А. Капанский). В изображении лагеря арестов, кроме Бородина — Ужова несомненной удачей является исполнение роли Островова С. М. Мешковым Яков Лукич у С. М. Мешкова (И. Г. Чистяков) и осторожный враг, он совсем лишен уверенности в победе, но логика истории, несмотря на всю его осторожность, толкает его на путь, который может привести Островова только к гибели.

Есть в спектакле, конечно, и просчеты. Есаул Половцев в спектакле наделен чертами традиционного театрального злодея. Наиболее досадная неудача постигла артиста М. С. Мишина. Он не сумел раскрыть всей глубины характера дедушки Шаркяра, пошел по пути внешнего комикования. В результате один из наиболее важных образов произведения Шолохова получил в спектакле неправильное толкование.

Двояственное впечатление оставляет Давыдов в В. И. Штот. Артисту орошно удалось показать верность своего героя делу партии, его принципиальность, мужество, наконец, напряженную работу его мысли. Но широта натуры Давыдова, огромное радостное жизнелюбие пропала в спектакле. Мы уже решили, что некоторая суховатость вообще сценическая актерской манеры В. И. Штотова, но в спектакле «Когда улыбаются звезды» он поразил нас как раз очень мягкой, собранной и торжественным, трагической роли актера Барабаша Овчинникова, вполне в возможностях артиста продолжить работу над образом Давыдова, сделать его многогранной и полножизней.

Нелегко ставить новую комедию Александра Корнейчука. В ней драматург совершенно не заботится о «чистоте жанра». Любовая театральная публицистика в разоблачении молодых людей, вроде Тимофея Шлака, готовых на броне поехать перед всем заграницей, соседствует с откровенным фарсом (линия Клеопатры Гавриловны). Есть в пьесе элементы и лирической комедии и сатирического гротеска и даже детектива. Трудно ставить пьесу, в которой после публицистического монолога одна героиня рассказывает, как она симулировала в кинофильме роль служанки; а в другой — Татьяна Морозова — за служебной, но у нее толстые, крилистые ноги. На крупных планах ре снимила до пояса, а ниже я играла».

Но если на подобную разностильность автор все-таки имеет право, то трудно оправдать его в том, что он

увел конфликт со сценой. Между положительными и отрицательными героями в пьесе не происходит действительного столкновения. Чтобы как-то исполнить этот пробаб, А. Корнейчук заставляет своих отрицательных персонажей саморазоблачаться до такой степени, что это совершенно теряет черту жизненного правдоподобия. Совершенно непонятно, например, как могла чужка и неглупая девушка Ольга любить Тимофея Шлака, если он совершенно открыто называет ее «выдуманным пудалом» и вслух мечтает бежать за границу.

Но режиссер С. И. Пожарский удачно выделал в этой далеко не самой совершенной пьесе Корнейчука лучшее, что в ней есть — это безудно публицистическую заостренность мысли, о патристической гордости советского человека.

В спектакле артистер Корбараш повеяло такой уж плохой человек. Но в этом-то и вся опасность, предупреждает театр, что достало даже неглупому и неглупому человеку отойти хоть в чем-нибудь от принципов советской жизни, как вокруг него начинают наплывать всякая нечисть, всякие шлаки, готовые ополгнить все светлое для советских людей.

Эта нечисть талантливо и театрально ярко разоблачается в спектакле И. Шлак-старший (В. П. Ужов), удивительно напоминающий шихуную шунку, и Жинна Бакум (Е. И. Жуклина), настолько нудшащая себе в супруги «доброе, талантливого старенького идиота», и «актриса Хомуток (Н. А. Кармунина), у которой пошлость, гармоничное сочетается с глупостью — все это живые сатирические образы.

Им противостоит лагерь честных советских людей. Самым ярким образом среди них в спектакле оказывается старый краснопередеши Морж в исполнении постановщика спектакля. Морж, человек, проживший большую в трудную жизнь, несколько даже опустившись. Но именно он воплощает в себе здравый смысл народа, сдую насмешку над теми,

кто забыл, что они воспитаны народом и всем обязаны ему.

У нас уже, кажется, прочно утвердилось новое отношение — отсталость ответственности работника. В предлах этого эпизода Т. И. Буртуну играет Клеопатра Гавриловну сочно и выразительно. Другое дело — насколько вообще оправдано существование этого эпизода.

Нам думается, что режиссер вернопонял и достоинство и недостатки новой комедии Корнейчука. Разумеется, на ее материале невозможно было бы поставить монументальный спектакль, подобный «Поднятой целине». Но то, что комедия, прежде всего, выделено гражданское, публицистическое начало, говорит о единой идейно-тематической линии театра.

И «Поднятую целину» и «Когда улыбаются звезды» театр поставил первым в Кавказстане. Уже по этому видно, что семипалатинцы стремятся создать своеобразный, оригинальный репертуар. И, разумеется, они мечтают о «своих» пьесах и «своих» авторах. Одна такая пьеса есть в портфеле театра. Это «Встреча на перекрестке» Дмитрия Черепанова. Она затрагивает тему, которой до сих пор мало касалась советская драматургия, — тому Борьбы с религиозными пережитками. Надо сказать, что решает драматург эту тему принципиально и смело. Над пьесой, конечно, еще нужно работать, она слишком растянута, есть в ней и другие художественные недостатки (хотя образ главной героини — жертвы религиозного дурмана Ганя Парфеновой выписан, на наш взгляд, правдиво и убедительно). Театр согласен на такую работу, а долг общественных организаций Семипалатинска — поддержать его в этом. Семипалатинский театр имени Абая заслужил право на «свою» хорошую пьесу.

П. КОСЕНКО.

«Казахстанская правда»

13 апреля 1958 г. 3 стр.

«Казахстанская правда»

г. АЛМА-АТА